

Линь Хуайань развернулся и собрался уходить. Цзян Янь заволновался: он испугался, что если тот сейчас уйдет, то больше никогда не вернется, и поспешно ухватил его за рукав.

— Я... я согласен! Мне это нравится! Линь-гэ, не уходи, пожалуйста, не уходи, хорошо?

Цзян Янь всегда был готов поступиться любыми принципами ради Линь Хуайаня. Хотя ситуация казалась до крайности постыдной, он рассудил, что раз уж он все равно испытывает чувства к Линь Хуайаню, то в конечном счете это даже выгодно ему самому.

Убеждая себя в этом, Цзян Янь еще крепче вцепился в рукав Линь Хуайаня. Его глаза, полные мольбы, были прикованы к лицу собеседника, и он повторил:

— Линь-гэ, ну не уходи, а?

А под конец, опасаясь, что Линь Хуайань останется недоволен, добавил:

— Я буду очень послушным, Линь-гэ.

Линь Хуайань бросил взгляд на Цзян Яня, который добровольно поставил себя в столь унижительное положение, и, словно делая одолжение, кивнул, издав горлом короткое:

— М-м.

Глаза Цзян Яня мгновенно просияли. Уголки его губ непроизвольно поползли вверх, обнажая восемь ровных белых зубов. Его радость была видна невооруженным глазом.

Стоит ли так радоваться?

Линь Хуайань снова ощутил непонимание. Радость, печаль, гнев и прочие эмоции окружающих людей словно никогда не касались его. Линь Хуайань был подобен роботу: он относился ко всем вокруг без капли чувств и так же бесстрастно решал любые вопросы. Поистине хладнокровный человек.

Однако Цзян Янь стал тем, ради кого Линь Хуайань впервые сделал исключение. Почему? Линь Хуайань полагал, что это происходит из-за того, что, как часто говорят, мужчины — животные, думающие нижней частью тела. Или, возможно, его разум был до краев заполнен всяким непотребством, которое напрочь затуманило рассудок.

По выходным Цзян Янь подрабатывал: днем в чайной, а вечером вел онлайн-уроки. Зная, что

единственный путь к успеху — это учеба, Цзян Янь с детства усердно грыз гранит науки. Его успехи в учебе были отличными, и именно благодаря этому он смог найти довольно легкую работу, к которой не предъявляли завышенных требований.

В приюте он уже давно не ночевал в своей комнате. Поскольку детей становилось все больше, Цзян Янь добровольно уступил им свое место, а сам жил в студенческом общежитии. К тому же, ему нужно было не только содержать себя, но и отправлять часть зарплаты в приют, поэтому его выходные были расписаны по минутам, и времени на посещение приюта почти не оставалось.

Линь Хуайань обычно не оставался в общежитии на выходные — у него была квартира в городе, а в общежитии он жил лишь для удобства. Но в этот раз, вернувшись с подработки, Цзян Янь, едва толкнув дверь, увидел Линь Хуайаня, лежащего на кровати с книгой.

Цзян Янь с любопытством взглянул на обложку. Это была толстая книга по финансам с очень длинным названием. Она выглядела чем-то запредельно сложным, совсем не тем, с чем сталкиваются люди их возраста. Вероятно, такое нужно изучать заранее только наследникам из влиятельных семей.

Цзян Янь подумал, что Линь Хуайаню сейчас нелегко, поэтому взял его керамическую кружку, подошел к кулеру и заварил медовую воду.

— Линь-гэ, выпей медовой воды, отдохни немного.

Он не стал спрашивать, почему тот остался в общежитии на выходные. В конце концов, это и его комната тоже, и он имел полное право решать, оставаться здесь или нет.

— М-м. — Линь Хуайань отложил книгу, взял кружку и сделал два глотка.

На самом деле он не любил сладкое, но этот напиток оказался приятным на вкус — сладким, но не приторным, как раз то, что нужно.

— Подойди сюда.

Сказал он, словно подзывая домашнего питомца.

<http://bllate.org/book/20720/2073248>